

Е.Е. Лях

Религиозный конфликт в семье в эпоху раннего христианства

Появление и распространение христианства на территории Римской империи неизбежно приводило к диалогу между представителями различных культурных традиций, в первую очередь античной и складывающейся христианской. Диалог происходил на различных уровнях: интеллектуальном, отраженном в трудах апологетов, Отцов Церкви, в произведениях антихристианских античных авторов (Цельс, Макарий Магнет и др.), и на низовом, бытовом уровне, представленном в массовой литературе, в первую очередь в новозаветных апокрифах.

Принятие христианства требовало и вело к изменению поведения, мировоззрения человека, к отказу от прежнего образа жизни. Это ставило перед последователями Христа весьма трудные вопросы повседневного поведения, отношения с нехристианами, с родственниками. Семья становится своеобразным полем диалога, тем пространством, где осуществлялось взаимодействие различных культур и традиций. Как же осуществлялось это взаимодействие, существовали ли у христиан примеры, правила, наставления, которым они могли следовать? Как вообще они должны были вести себя с родственниками-нехристианами? Эти вопросы сложны и противоречивы. Их сложность и противоречивость заложена уже в канонических писаниях. В Евангелие от Луки Христос говорит апостолам: “Кто не против вас, тот за вас” (Лк. 9.50), а несколько ниже – “Кто не со Мною, тот против Меня; И кто не собирает со Мною, тот расточает” (Лк. 11.23). Апокрифические писания также как и канонические, не советуют христианам общаться с нехристианами. Например, апостол Иоханнан удаляется из города, “дабы не общаться с язычниками” [3. С. 313]. Однако, канонические, как и апокрифические писания часто рекомендуют молиться за нехристиан. “Молитесь ... за царей, властей, князей, даже за преследующих и

ненавидящих вас, за врагов Христа” [9.XII]. Итак, писания не советуют христианам общаться с язычниками и не предлагают им уйти из языческого мира. Согласно, слову Евангелия христиане остаются жить в нем, проповедуя Евангелие (Мф. 28.19; Мк. 16.15) и пытаюсь изменить этот мир. Это неизбежно вело к общению с нехристианами, в первую очередь с родственниками. Как строились эти отношения? Евангелия неоднократно говорят о приоритете родства по вере родству по крови (Лк.8.19-21; Мк.3.31-35; Мф.12.46-50; Лк.9.61-62, 11.27-29,13.51-53). Означало ли это, что христиане должны были уходить из семьи? Были ли домочадцы для христиан “просто язычниками” или они пытались обратить их в свою веру? Как относились домочадцы к принятию христианства их женами, мужьями, детьми, сохранялась ли семья? Эти и другие вопросы будут предметом рассмотрения в данной статье.

Более подробно отношения между христианами и нехристианами представлены в христианской литературе, возможно из-за ее лучшей сохранности по сравнению с антихристианской, а именно в текстах новозаветных апокрифов. Это дает возможность проследить, как осмысливались отношения между христианами и нехристианами с точки зрения авторов апокрифов, в коллективной мысли христиан. Источниками для рассмотрения данной проблемы стали новозаветные апокрифы – “Деяние Иуды Фомы апостола”, “Учении Аддая апостола”, “Пастырь”, “История Феклы, ученицы Павла апостола”. Тексты апокрифов были составлены в различное время и в различных частях христианского мира. Наиболее ранним из них является текст “Пастырь”. Апокриф написан на греческом языке. Большинство исследователей считают, что это произведение было создано во II в. Его автором был Герма, брат руководителя римской общины. “Пастырь” написан от лица самого Гермы, который беседует с явившемся ему ангелом, получает от него наставления, поэтому, это произведение иногда,

относят к жанру откровений. Произведение носит апокалиптический характер и состоит из трех частей: “Видения”, “Заповеди”, “Подобия”. Важнейшими проблемами, рассматриваемыми в апокрифе, являются вопросы об образе и сущности Христа, проповедь о необходимости единства церкви, вопросы этики, проблемы повседневного поведения христиан, вопросы о возможности верующих противостоять дьяволу и другие. Долгое время “Пастырь” почитался христианами как священная и боговдохновенная книга. Его содержание было близко верующим. Но в “Канон Муратори” он включен не был по причине его “недавнего” написания.

Текст апокрифа “История Феклы, ученицы Павла апостола” (сирийский вариант) и “Деяния Павла и Феклы” (греческий вариант) был известен еще Тертуллиану. Этот апокриф был составлен в конце II в. малоазийским пресвитером “из любви к апостолу Павлу”. За это пресвитера лишили его сана и изгнали из церкви [7. С. 310]. Первоначальным является греческий вариант текста. Исследователь раннехристианской литературы Р.-А. Липсиус считал, что это гностический апокриф. Эта точка зрения была поставлена под сомнение и опровергнута в нач XX в. исследователями К. Шмидтом, А. Гарнаком и А. Хамманом. Апокриф стал рассматриваться или как антигностический текст, вышедший из среды сирийских аскетов и игравший у них роль катехизиса, или как произведение “народного христианства, далекого от гностицизма” [6. С. 24-24]. В апокрифе рассказывается о проповеди апостола Павла, о его ученице, “страстной девственнице” Фекле, о ее любви, стойкости и чудесах. В сирийскую литературу “История Феклы” вошла в составе “Книги женщин” – антологии куда вошли рассказы о ветхозаветных героинях.

Следующий источник – восьмое деяние Иуды Фомы апостола является заключительной частью апокрифа “Деяния Иуды Фомы апостола”. Этот апокриф известен на нескольких языках: латинском, эфиопском, ар-

мянском и др. Наиболее древними считаются версии на греческом и сирийском языках. Вопрос о языке оригинала, время и месте создания текста остается дискуссионным. Е. Мещерская, ссылаясь на исследования Т. Нельдеке, Ф. Беркитта, П. Дево, считает, что апокриф был создан в Сирии и языком оригинала был сирийский. Временем создания текста является III или IV в. Апокриф состоит из восьми рассказов о миссионерской деятельности апостола Иуды Фомы, о чудесах, сотворенных им при жизни и даже после смерти. Исследователи отмечают многослойность текста, некоторые гимны, например, “Песнь о невесте”, “Песнь о жемчужине” содержат гностическую терминологию. Поэтому “Деяния Иуды Фомы апостола” были отнесены к апокрифам.

Последний источник – “Учение Аддая апостола и проповедника” сохранилось на сирийском языке в рукописи V-VI вв. Возможно, он был создан в иудео-христианской общине в кон IV – нач.V вв. В основе текста лежит легенда о переписке царя Осроэны Авгара с Иисусом Христом. Письменная фиксация легенды об Авгаре была сделана на рубеже II-III в. в Осроэне. Этот текст принадлежал к документам “Архива Царей” – летописного свода осроэнской династии Авгаров бар Ману [6. С. 35]. Позже в тексте апокрифа были объединены несколько легенд, связанных с именем царя Эдессы Авгара. Апокриф рассказывает о миссионерской деятельности апостола Аддая, об обращении им в христианство царя города Эдессы Авгара, о переписке эдесского правителя с Иисусом Христом и императором Тиберием. Это сочинение устанавливало апостольское происхождение эдесской церкви и служило обоснованием процесса христианизации Осроэны. Содержание апокрифа отражает точку зрения ортодоксального христианства и направленно против различных еретических движений (напр. арианство, гностицизм), но по причине его позднего создания, “Учение Аддая апостола и проповедника” было отнесено к апокрифам. Причиной

выбора именно этих апокрифов из всего корпуса апокрифической литературы является то, что взаимоотношения между христианами и их родственниками нехристианами описаны в них наиболее детально, подробно и ярко.

В апокрифах ясно прослеживаются два варианта развития событий – принятие христианства мужем, главой семьи, и принятие христианства супругой или детьми. Рассмотрим каждый из вариантов. Случаи принятия христианства главой семьи подробно представлены в восьмом “Деянии Иуды Фомы апостола”, в “Учении Аддая апостола” и в апокрифе “Пастырь”. Уверовавший после проповеди царский сын Визан просит апостола Иуду Фому исцелить свою супругу Менашар, чтобы она после исцеления уверовала “... и жизнь вечную получила” [1. С. 255]. Менашар после исцеления уверовала, и супруги приняли крещение. Сифур – военачальник принявший христианство, просит Иуду Фому апостола крестить свою супругу и дочь, чтобы жить в “одном сознании, и в одной любви, стать Господу нашему слугами истинными” [1. С. 243]. В апокрифах не сообщается о каком-либо недовольстве, сопротивлении со стороны домочадцев. Они с радостью принимают крещение, новую веру.

Авторы апокрифов обращают внимание на ответственность мужа-христианина за свою семью. На семью христианина Гермы, главного героя апокрифа “Пастырь”, гневается Бог, но гнев вызвал не сам Герма, а его жена и дети. “Дети твои, Герма, отступили от Господа, хулили Его и в великом нечестии предали своих родителей,... предавши их, они не исправлись, но присоединили к грехам своим распутство и нечестие скверны” [8. С. 16]. Жена Гермы была “не воздержана в речах”. Но жена и дети “не могут быть наказаны, если ты, глава всего дома не подвергнешься наказанию. Ибо все, что претерпеваешь ты, неизбежно претерпевают и они...” [8. С. 69]. Вся тяжесть их грехов возлагается на Герму, как на главу семьи, кото-

рый, “любя детей, не вразумлял своего семейства, но позволил им сильно развратиться” [8. С. 14].

В “Учении Аддая апостола” сообщается, что после своего исцеления и проповеди апостола Аддая царь Авгар принимает крещение. Апокриф показывает, что царь, приняв христианство, желает обращения не только своей семьи, приближенных, но и всех жителей своего государства, что и происходит. Царская семья и все вельможи “с остальными товарищами своими возрадовались весьма, прославили Бога и во Христа уверовали” [11. С. 88, 89, 97]. Итак, обращение глав семей, мужей, приводит, по мнению авторов апокрифов, к обращению всей семьи и ее сохранению. О семьях принявших христианство неоднократно сообщает Евсевий Памфил. Христианские семьи претерпевали гонения, погибали, но “шли по пути спасения”, воспитывали в христианской вере детей [2.Кн.VI.4.21; VIII.6.6,9.5;. V.21.1; VIII.12.3.].

Другой вариант наиболее трудный и трагичный – это обращение в христианство домочадцев. Сложность его в том, что принимают христианство первыми не мужчины, главы семей, имеющие власть над домочадцами, а чаще всего женщин – жены, дочери, невесты. Обычно это приводит к конфликту в семье. О таком развитии событий повествуют многие новозаветные апокрифы, сообщают раннехристианские писатели [5. II.2].

Наиболее подробно конфликт внутри семьи описан в восьмом “Деянии Иуды Фомы апостола” и в апокрифе “История Феклы, ученицы Павла апостола”. Главными героинями этих апокрифов являются женщины, принявшие христианство: Фекла, “девица из города Икония” – героиня “Истории Феклы, ученицы Павла апостола”; Мигдония, знатная замужняя женщина, супруга Кариша, приближенного царя Маздая; Тертия, супруга царя Маздая, “близкая подруга Мигдонии” – героини восьмого “Деяния Иуды Фомы апостола”.

Апокрифы сообщают, что Фекла, Мигдония и Тертия были знатными женщинами. Они уважались своими мужьями или женихами. Проповедь апостолов произвела на них сильнейшее впечатление, и они решили принять христианство. О причинах, побудивших женщин принять новую веру, выразительно говорит Мигдония: “в пустыне, ... мы живем, потому, что живем подобно животным, которые речью не владеют, ... ты обратился ... ко мне и помолился за меня, ... чтобы могла соединиться ... я с тобой в молитве, и в надежде, и в вере...” [1. С. 210]. Женщины решают изменить свою жизнь. Фекла отказывается и от брака с Фрамиром, “одним из первых граждан города Иконий”, и от любви Александра “одного из антиохийских военачальников”. Мигдония и Тертия меняют свои отношения с родственниками, мужьями, отказываются от прежнего образа жизни, привычек. “Не напоминай мне о делах твоих прежних со мной, от которых молю я и прошу Господа моего очистить меня. Не напоминай мне об удовольствиях твоих скверных, ... делах твоих плотских, от которых любовью Господа моего молю я быть избавленной. Я позабыла их...” [1. С. 234]. Женщины готовятся к принятию крещения, стремятся постоянно быть с апостолами, слушать их. “...Три дня и три ночи от окошка не встает, не ест и не пьет. Но вперила глаза свои и смотрит на чужестранца (т.е. на апостола Павла)”, - жалуется мать Феклы ее жениху [4. С. 417]. Женщины приходят к апостолам даже в тюрьму, пытаются освободить их. Приобщение к новой вере они рассматривали как нахождение “источника в месте пустынном, как сокровище хорошее”, [1. С. 234], как начало новой, истинной жизни, а самих апостолов воспринимают как “врачей тела и души” [1. С. 214].

Такое поведение не могло не вызвать протест со стороны родственников. Что же конкретно возмущает их, само учение или внешнее поведение женщин? Как они воспринимают апостолов и само христианство?

Обращение женщин в христианство они воспринимают как личное горе. Фрамир пытается узнать, почему Фекла так поступает. Не получив ответа, он заплакал, потом “разъярился” [4. С. 418] и попытался узнать суть учения апостола Павла от Дима и Гермогена, спутников Павла, завидовавших ему и желавших проповедовать самим. Суть учения он не понимает, но преисполняется зависти и ревности к христианину Павлу, потому, что “... горюет о нареченной своей, которая полюбила чужестранца” [4. С. 419]. “Игемон” по доносу Фрамира приказывает изгнать Павла из города, а Феклу казнить. Инициатором сожжения дочери автор апокрифа называет мать Феклы Феоклею. “Сжечь ее, дурочку, посреди театра, чтобы увидели ее те, кто за такое учение, и устрашились” [4. С. 421]. Не рассказывая о реакции Фрамира на это ужасное предложение, автор показывает, что Фрамир согласился с наказанием, не воспротивился ему, и не стал спасать Феклу.

Другой преследователь Феклы – Александр также как и Фрамир был возмущен не самим учением, которому решила следовать Фекла, а отказом Феклы принадлежать ему. Увидев Феклу, когда она входила в город вместе с апостолом Павлом, Александр “влюбился” в нее. Будучи “властным”, он попытался овладеть ею. Защищая себя, Фекла разорвала одежды Александра, сорвала с него золотой венок и “предстал нагим Александр” [4. С. 424]. Оскорбленный Александр доносит на Феклу “игемону” и желает смерти ее. Фекла обвиняется в осквернении храмов, так как сорвала венок кесаря с головы Александра. Сам Александр принимает активное участие в казни своей “возлюбленной”, поставляет зверей и предлагает новые виды казни. Жестокость Александра и Феоклеи, молчаливое согласие Фрамира, их постоянное стремление наказать Феклу вызывают неприязнь читателей к ним и сочувствие к Фекле. Более тонко, трагично и неоднозначно разви-

вались события в семье язычника Кариша, супруга христианки Мигдонии, одного из героев восьмого “Деяния Иуды Фомы апостола”.

Кариш был влиятельным приближенным “индийского царя” Маздая. Его супруга Мигдония, которая “была для него больше, чем весь его род”, [1. С. 217] услышала проповедь апостола Иуды Фомы и решила стать последовательницей Христа. Она изменила свое отношение к супругу: отказалась ужинать с Каришем, старалась не разговаривать с ним, одна ложилась спать. Заметив перемены в поведении своей любимой жены, Кариш узнает, в чем дело и уговаривает ее вернуться к прежнему образу жизни. Получив отказ, Кариш “рассердился”, но не подал вида. Он вновь терпеливо продолжал уговаривать Мигдонию: “Сестра моя, и госпожа моя, и любовь моя, Мигдония, да не введут тебя в заблуждение ни слова пустые и глупые, ни дела колдовские, которые, как я слышал, он совершает во имя Бога своего; ибо со дня, когда мир существует, никогда не слышано, чтобы человек воскрешал мертвого, но этот человек, как слышал я, провозглашает, что мертвых воскресит. ... И что он носит одну одежду, так это потому, что у него нет другой, и то, что он не берет плату ни у кого, то это потому, что он знает, что в действительности не может вылечить никого” [1. С. 215]. Для Кариша не было “в Индии другой женщины, подобной Мигдонии” [1. С. 234]. Решение Мигдонии стать христианской, Кариш воспринимает как наказание богов. “Что за поступок совершила ты против богов, что они этому несчастью великому подвергли тебя?” [1. С. 232]. Кариш печалился не только о себе и разрыве с Мигдонией, но о ней самой, потому что после ее решения стать христианкой “величие ее умалено, и унижена свобода ее, и дух ее высокий низложен [1. С. 232]. Но на все уговоры Кариша Мигдония “как камень молчала и молилась, ... чтобы она смогла вновь увидеть апостола” [1. С. 215].

Кариш, как Александр и Фрамир не вникает в суть нового учения, воспринимает апостола как “колдуна” и “обманщика”. Он рассказывает о своем горе царю Маздаю и просит арестовать апостола Иуду Фому. Кариш лично производит арест и возвращается домой радостным, надеясь, что после ареста супруга его будет с ним как прежде..” [1. С. 232]. Вскоре он понимает, что ошибся. Растерянность и отчаяние овладевают им. “Что буду делать теперь, не знаю я, как я буду вести себя, и что еще предприму? ... Душа моя, которую уводят от меня, око мое видящее, ... которое вырывают и отбирают у меня, и тело мое прекрасное, ... которое отделяют и отнимают у меня, рука моя правая, которую отрубают у меня, красота моя, которая разрушена, отрада моя, которой мучают меня, радость моя, которая обернулась горем, вдохновение мое, которое стало для меня скорбью, жизнь моя, которая в смерть превратилась, свет мой, который во тьму погрузился. ... Не увидят меня друзья мои вельможные, ибо от этой скорби нет спасения мне. ... Пусть же отнимут у меня почести мои и богатство мое огромное и дадут мне час один лет твоих прошлых, Мигдония. Пусть один из глаз моих ослепнет, а глаза твои собственные пусть глядят на меня как прежде! Пусть отсекут мою руку правую, а рукой моей левой я бы обнимал тебя” [1. С. 233-234].

Но на эти мольбы Мигдония отвечает, что любит Кариша больше всего земного, но больше земного она любит Бога. “Ты жених, который ушел и сменился, а Иисус – жених истинный, который будет всегда, и никогда не умрет, и не разрушится” [1. С. 239]. Глубока скорбь Кариша. В горе и отчаянии он делает то, что не сделал ни один из предыдущих мужчин – язычников, он отрекается от своих богов. “Я не буду более поклоняться богам Востока, которые такие несчастья принесли мне, не буду я ни молиться перед ними, ни жертвовать им больше, ни приносить им жертвы, ибо супруги моей верной я лишился” [1. С. 233].

Поняв, что ни он сам, ни царь Маздай, ни арест апостола не смогут изменить решения Мигдонии, Кариш решается на последнюю попытку. Он требует, чтобы апостол уговорил Мигдонию вернуться к прежней жизни. В противном случае он угрожает убить и апостола, и Мигдонию, и себя. Уверенный в своей правоте, Кариш собирается после смерти предстать вместе с Иудой Фомой перед судом христианского Бога. "... И если, как говоришь ты (т.е. Иуда Фома), есть жизнь и после смерти, и есть вина и оправдание, и суд и воздаяние, там с тобою на суде предстану я, и если тот Бог твой, которого проповедуешь ты, справедлив и справедливо требует, то буду вознагражден я, ибо не причинил зла тебе, а ты сам причинил боль мне, и не согрешил я против тебя, но ты согрешил против меня" [1. С. 241-242]. Но Мигдония отказала апостолу в просьбе стать прежней по отношению к Каришу. Ее желание стать христианкой непреклонно, духовные блага она ставит выше благ земных.

Тертия, жена царя Маздая, услышала проповедь апостола Иуды Фомы и решила следовать его учению. Тертия, в отличие от Мигдонии и Феклы пытается рассказать своему супругу о своей вере и даже приобщить его к ней. "Тебя (т.е. царя Маздая) поблагодарить должна я за то, что ты к Мигдонии послал меня. Я пошла, и услышала о жизни новой, ... и я поверила, ... Я дам тебе совет хороший. ... Умоляю я тебя, ... сохрани себя в чистоте перед Богом. ... Пойди к человеку этому и поверь в него, и ты будешь жить вечно" [1. С. 246-247] Но для обращения царя Маздая слов его жены было недостаточно. И лишь поняв, что ее муж не обратится в новую веру, Тертия перестает общаться с ним. Царь Маздай приказывает убить апостола. После смерти Иуды Фомы царь Маздай и Кариш "мучили много" Мигдонию и Тертию, но так как женщины "не исполнили их волю", то "оставили их согласно их собственной воле вести себя" [1. С. 265]. Хотя апокрифы не всегда сообщают о негативной реакции мужей и родственни-

ков на принятие христианства их женами, детьми. Но подобные случаи являются скорее исключением, чем правилом [10. С. 274].

Образы Александра, Фрамира, Кариша, царя Маздая имеют много общего: они знатные и богатые язычники, теряющие своих жен, возлюбленных, которые, становятся христианками. Несмотря на безусловное сходство, образ Кариша отличается от них. Александр, царь Маздай, Фрамир вызывают неприязнь читателей к себе. Кариша вызывает двойственное чувство. С одной стороны он язычник, “необращенный”, гонитель апостола и своей супруги – христианки, но с другой стороны он безутешный муж, потерявший любимую жену, которая была для него всем. Он отчаянно борется за нее, терпеливо уговаривает, он готов на все, используя любые средства. Неудачи повергают его в тяжелые грехи: печаль и отчаяние. В порыве отчаяния он отрекается от всего: от друзей, почестей, богатства, даже от своих богов. Однако это отречение не приводит Кариша к христианству. К горю и отчаянию Кариша не равнодушен даже апостол. “Если бы любили люди Бога так, как они любят любезных своих...”, – сожалеет Иуда Фома апостол [1. С. 242]. Образ Кариша не может не вызывать сочувствие читателей. Возможно, это сочувствие появляется вопреки желанию автора апокрифа, который должен бы негативно изобразить Кариша, как и любого “необращенного”.

Итак, подведем некоторые итоги. Принятие христианства женами, невестами приводят к конфликту в семье. Протест родственников – язычников вызывает не само учение Христа, а новый образ жизни, поведение христианок. Чаще всего члены семьи не пытаются понять женщин, узнать суть нового учения или знакомятся с ним поверхностно. Виновниками конфликта во всех случаях показаны язычники, жестоко и упорно преследующие христиан, которые стойко переносят все испытания. В свою очередь женщины-христианки, за редким исключением, также не стремятся

рассказать домочадцам о своей вере и обратить их. Домочадцы остаются для них “просто язычниками”, которых они отождествляют со своим греховным прошлым и часто воспринимают как врагов [1. С. 238]. Почему стороны не пытаются избежать конфликта, не стремятся к диалогу? Авторы апокрифов показывают, что язычники к диалогу не способны, так как действуют под влиянием эмоций и страстей: печали, гнева, отчаяния и др. А христианки? Апокрифы не объясняют их поведения, но можно предположить, что это происходит по двум причинам. Во-первых, из контекста апокрифов, особенно “Деяния Иуды Фомы апостола”, становится ясно, что автор этого текста – противник семьи и брака [1. С. 163,218]. Поэтому распад семьи для него – естественный итог. Второй причиной могло быть подчиненное положение женщин в семье. Следуя своей вере, своему внутреннему стремлению, они были способны только на пассивное сопротивление. Кроме того возможно сами женщины, ощущая свою греховность и не получив крещения не считали себя готовыми проповедовать. Такая позиция и христиан, и язычников-домочадцев вела к углублению конфликта, распаду семьи и гибели женщин. В этом случае семья становилась не полем диалога, а полем противостояния и конфликта, но конфликта своеобразного.

В чем же своеобразие конфликта? Авторы апокрифов показывают, что конфликт основывается не на интеллектуальном противоборстве, противостоянии личностей, а на противопоставлении двух “образов любви”: любви “земной” и любви “небесной”, временного и вечного. Темой любви объединены образы всех героев-язычников. Почему же любви уделяется такое внимание? Для христиан любовь – одно из ключевых понятий. Двумя важнейшими заповедями является любовь к Богу и любовь к ближнему. “Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душой твоей, и всем разумением твоим. ... Возлюби ближнего твоего как самого себя”

(Мф.22.37-40; Мк.12.30-33; Лк.10.27). Для христиан между Верой, Надеждой и Любовью большей является Любовь (1 Кор.13.13). Из любви к людям Бог послал к ним своего Сына (Рим.5.8). Любовь – это путь, ведущий к Богу, и сам Бог – это любовь" (1 Иоан.4.16). Любовь к Богу спасает человека, дает утешение и надежду. Именно с такой высокой меркой подходят авторы апокрифов к любви Александра, Феоклеи, Фрамира и Кариша. Но их “земная” любовь не имеет ничего общего с христианской “небесной” любовью, “долготерпящей”, “милосердной”, “незавидующей”, “непревозносящейся”, “нераздражающей”, “небесчинствующей”, “немыслящей зла”, “всепокрывающей”, “всему верящей” и “на все надеющейся”, о которой писал апостол Павел (1 Кор.13.13). “Земная” любовь, подвергнувшись испытаниям, ведет язычников к тяжелым грехам: печали, отчаянию, ярости, зависти, ревности, гневу. Эта любовь гибнет в гневе, ведет к гибели их. Из любящих они становятся жестокими гонителями, обрекающими своих любимых на мучения и даже на смерть. Анализируя эти тексты, и даже сочувствуя героям-язычникам, читатели апокрифов приводятся к мысли о необходимости отвергнуть языческую “земную” любовь и прийти к спасительной христианской, ведущей к Богу.

Таким образом, христианства изменяя основы античного мира, вторгалось в сферу частной жизни, меняя взаимоотношения в семье. Среди первых христиан было немало женщин. О судебных процессах над женами-христианками, преследованиях и гибели их неоднократно рассказывали раннехристианские писатели [5. II.2]. В апокрифах представлены две наиболее типичные модели развития событий. В реальной жизни, выбирая между старым и новым, язычеством и христианством, домочадцами и верой, каждый сам определял, выбирал свой путь. Причины этого выбора, как и сам путь, был глубоко индивидуален, порой противоречив и всегда сложен, как и сам человек.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.

1. Деяние Иуды Фомы апостола // Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997
2. Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.
3. История Иоханнана апостола, сына Зеведеева // Мещерская Е.С. Апокрифические сказания апостолов. М., 1997.
4. История Феклы, ученицы Павла апостола // Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997
5. Иустин. Апология II.2 // Иустин философ и мученик Творения. М., 1992;
6. Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997.
7. От берегов Босфора до берегов Ефрата” // Пер., пред., ком. С.С. Аверинцева. М., 1994.
8. Пастырь Гермы // Пер. Свенцицкая И.С. М., 1997.
9. Святой Поликарп Смирнский. Послание к филиппийцам. XII // Писания мужей апостольских. М., 2003.
10. Страсти апостолов Петра и Павла // Скогорев А.П. Апокрифические деяния апостолов. СПб., 2000.
11. Учение Аддая апостола, пророка и благовестника // Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997.